НАТАЛИЯ ХАЧАТРЯН

"АНТИЧНАЯ КРИТИКА" ИЛИ "ИСТОРИЯ
ЛИТЕРАТУРЫ" ?

Есть известная шутка о том, что первый критик и первый библиотекарь появились в тот самый момент, когда первый писатель заканчивал свою первую книгу: критик — чтобы сразу на нее обрушиться, библиотекарь — чтобы сразу лишить читателей возможности ее читать. В продолжение шутки и для полноты картины добавим появившегося позже преподавателя литературы, который возьмется препарировать эту книгу, чтобы отбить у студентов охоту ее читать.

Доля правды заключается в том, что все эти формы литературно-критической деятельности настолько же древни, насколько сама литература.

Очевидно, что и до создания письменности литературная критика должна была существовать. В какой форме — можно только предполагать. Это и беседы свободных граждан, и обсуждения жюри при присуждении призов (не зафиксированные даже в период письменной культуры), и зачатки того, что сегодня понимается под преподаванием литературы, которые можно обнаружить в древней Греции еще в V веке до Р.Х. у ионийцев, эмигрировавших в Афины. Первое известное нам имя Учителя литературы — Стесимброт Фасейский, личный историк Фемистокла и Перикла. Преподавание предполагало тогда только текстуальное изучение и толкование произведений классиков, с одной стороны вербальное, т.е. объяснение трудных слов (так называемые "гlossы"), с другой — философское, т.е. объяснение аллегорий и скрытых символов. Так возникли основы античного литературоведения, которое принято обозначать введенным

французским ученым Эгже¹ в середине XIX века понятием "античная литературная критика". До наших дней замечательные, ставшие хрестоматийными, исследования продолжают содержать в названии термин "критика"², хотя авторы прекрасного сборника статей о древнегреческой литературной критике, сотрудники античного сектора ИМЛИ, в первых же строках предисловия оговаривают условность заглавия. Отмечая, что "предмета литературной критики как особой области литературоведения в современном смысле античность не знала"³, они не предлагают традиционному термину более соответствующей замены.

Критерии художественного мастерства действительно обсуждались и оценивались античными философами, поэтами, историками, ораторами, но, за редким исключением (Аристофан, Гораций), в их трудах не было "синхронной соотнесенности с художественным произведением", т.е. обсуждались или критерии художественного творчества вообще (теория литературы), или конкретные произведения, но авторов предыдущих эпох, что, по сути, является предметом не литературной критики, а в "современном смысле" — истории литературы.

Для доказательства попытаемся провести краткий обзор античной литературно-критической мысли.

История литературы, несомненно, начинается с наиболее изучаемого из греческих классиков — Гомера. Критическое изучение гомеровских текстов прослеживается начиная от прародителя всех литературных критиков — Зоила Македонского. Этот грамматик из Амфиполиса, живший в IV веке до н.э., известен своим девятитомным трактатом об абсурдности и неправдоподобии гомеровских поэм. Название труда *Homeromastix* (Бич Гомера) стало нарицательным, как и имя автора. Зоил был также

¹ Egger, Em. Essai sur l'histoire de la critique chez les grecs suivi de la "Poétique" d'Aristote. P.1849.

² Atkins J.W. Literary criticism in Antiquity. L.1952. Grube G.M.A. The Greek and Roman Critics. Tor. 1965, и др.

³ Древнегреческая литературная критика, М.Наука, 1975, с.

участником споров аттических ораторов, в которых выступал на стороне Лисия против Исострата с энергией и злобой, которые вошли в поговорку.

V-IV века в Афинах были вообще эпохой полемики и уже можно говорить о появлении литературно образованного общества, в котором сталкиваются вкусы и мнения, т.е. можно говорить о литературной критике. Это прекрасно отражает агон "Лягушек" Аристофана (405г.), в котором Дионис, обеспокоенный судьбой трагических состязаний на Великих Дионисиях (в 406 г. умерли Эврипид и Софокл), спускается в царство Аида на поиски Поэта. Можно представить себе важность и актуальность этой проблемы, если вспомнить, что в год постановки "Лягушек" Афины еще вели последние отчаянные битвы в Пелопонесской войне. Известную роль могла сыграть личная ненависть Аристофана к Эврипиду или Зоила к его врагам, но эта сторона литературной критики (распространенная во все века), не может привести к конструктивным выводам.

Для развития объективной литературной критики софистам и риторам той эпохи, обучающим мыслить и, что почти то же, — говорить, необходима была литература в той мере, в какой она поставляла примеры для подражания или отрицания, однако письменных свидетельств обсуждения современных произведений не сохранилось.

Известно, что ни один из двух великих афинских Учителей, отцов теории литературы — Платон и Аристотель — не занимались собственно литературной критикой и, тем более, историей литературы. Известная неприязнь Сократа и Платона к писателям и поэтам объясняется тем, что в своем стремлении к реальному они не могли принять прекрасную ложь поэтического вымысла. А для аналитического ума Аристотеля, автора трех книг "Риторики" и краткой "Поэтики", понятие художественной ценности связывалось не только и не столько с эстетическими оценками, сколько с соответствием тем или иным философским категориям и определенным техническим приемам. Поэтому у

Платона и Аристотеля нет качественной оценки литературной продукции своего времени, хотя именно они предоставили теории и истории литературы необходимую доктринальную базу. Именно от Платона и Аристотеля последующие эпохи воспримут (с чрезмерным подчас формализмом) ключевые понятия об идеале прекрасного и правилах поэтики. Отныне изучение литературных фактов будет располагать шкалой ценностей, которой мало придерживаются авторы последних двух веков, но которая остается необходимой для литературных исследований.

В V-IV веках говорить о собственно истории литературы еще рано, хотя сама история уже существовала. Благодаря своему художественному уровню произведения Геродота, позже Фукидида и Ксенофонта считаются достоянием литературы в той же мере, что и истории, но о литературе они не писали, видимо считая ее неким локальным фактом, второстепенным на фоне политических катаклизмов. Но надо отметить важный факт проявления интереса к биографии: так Ксенофонт в своих "Memorables" (ок. 365г. до Р.Х.) старается не только охарактеризовать личность Сократа, но и определить его влияние на последователей.

IV век до н.э. - эпоха македонского завоевания, придавшего культурное единство эллинистическому миру и обусловившего переход от глосс к Александрийской библиотеке с ее сотнями тысяч рукописей. Именно здесь в III-II веках появляются первые жизнеописания Гомера благодаря Зенодоту Эфесскому, Аристофану Византийскому, Аристарху Самофракийскому, которые скрупулезно восстановили гомеровские тексты почти в том виде, который нам известен. По сути их труд — это труд библиотекарей, пришедших на смену софистам и риторам. Главной заботой тогда стали собирание и перепись произведений литературы прошлого и современности. Птолемей Эвергет I даже ввел таможенный налог: каждый приезжий или проезжающий через Александрию обязывался оставить Александрийской библиотеке копии всех рукописей, которыми обладал. Учитывая

резкое расширение исторического и географического горизонта эта перепись стала коллективным творчеством: ученые со всех концов эллинистического мира сотрудничали в создании *pinakex* — табличек, на которые наносились списки трудов и авторов, сопровождаемые основными указаниями, критическими замечаниями и биографиями, нечто вроде современных библиотечных карточек. Заслуга создания первого классифицированного каталога принадлежит Каллимаху Сиренскому, изящному поэту и эрудиту, который ок. 250 г. до н.э. был библиотекарем Птолемея Филадельфийского. "*Pinakex*" Каллимаха, которые больше известны под названием "Таблицы известных писателей и их творений", разделены на 120 книг и представляют собой одновременно критический и хронологический каталог, который можно расценивать как первую методическую попытку создания истории литературы.

Отметим, что именно в этот период у Александрийских ученых появляется осознание необходимости все хронологизировать. Основателем научной хронологии стал последователь Каллимаха, великий ученый, "человек-числа" - Эратосфен. Примечательно, что он был автором также историко-литературного труда — трактата о древней комедии.

Таким образом, история литературы начинает оформляться на афинской интеллектуальной основе и александрийской технике сохранения и приведения в порядок прошлого. То, что греческая классическая культура не создала ни библиотек, ни каталогов, объясняется, вероятно, тем, что эллины были первыми и не знали ощущения преемственности. Римлян же, наоборот, всегда преследовало сознание своей вторичности: получив греческое наследие, они вынуждены были подсчитать его, проследить механику эволюции и, по-возможности, утвердить свою оригинальность. Поэтому во II веке до Р.Х., еще до "золотого века", в Риме существовали первые опыты создания истории литературы. Сохранился фрагмент Волкация Седигита "*De Poetis*", известный под названием "Канон поэтов" и

представляющий собой нечто вроде стихотворного "списка награжденных": иерархию (возможно, предвзятую) римских авторов паллиаты (комедии греческого типа). Более интересными и содержательными представляются написанные между II и III Пуническими войнами "Дидаскалии" Луция Акция. Они дошли до нас в виде фрагментов, но содержат достаточно полные сведения о греческих и латинских авторах от Гомера до современной Акцию эпохи. Сама личность Акция тоже интересна: сын вольноотпущенника, неутомимый писатель, он возглавлял Collegium poetarum (нечто вроде Академии поэтов), автор около 50 комедий, ряда дидактических поэм, и трактата о драматической технике, хрестоматийного в поздней античности.

В течение I в. до н.э. и I в.н.э., история литературы, как и вся римская культура, переживает большой подъем, и превалирует даже над историей. Самой известной фигурой среди критиков был, видимо, Варрон (116-27 гг.), автор небольших исторических трактатов или биографий писателей, которые до нас не дошли, но судя по оценке Цицерона, который в трактате "Academiae Quaestiones" пишет, что Варрон пролил "великий свет" на "наших поэтов, на литературу Рима и его язык", они представляли несомненную ценность. Цицерон сам имел эти амбиции, это очевидно из его трактатов и "платоновских" диалогов. И, может быть потому, что он очень старался подражать своему учителю, он не стал ни историком, ни литературным историком. "De Oratore" — педагогический трактат, "Orator" и "De optimo genere oratorum" — полемические, "De partitione oratoria" и "Topica" — технические в аристотелевском стиле. Только в трактате "Brutus" (46 г. до н.э.), после краткого обзора истории афинского красноречия (§7-§13), Цицерон дает развернутую картину красноречия латинского (§14-§46), венцом которого является собственная апология. При сопоставлении исторической эволюции двух литератур Цицерон сознательно старается подчеркнуть оригинальность римлян и, поскольку обращается к юным читателям, ровесникам Брута, воспитанным в

"неоаттической умеренности", убеждает их в преимуществах собственного типа красноречия.

Соперничество двух культур волнует и Горация, который в "Письмах к Пизону" подходит вплотную к обсуждению генезиса жанров. При этом "Сатиры" Горация, обращенные к поэтам-современникам — прекрасные образцы литературной критики.

Литературный подъем в Риме на рубеже веков привел к появлению в огромном количестве библиотек, мастерских переписчиков, кружков-"сенаклей", книготорговцев и даже своего рода издателей. Конечно, были распространены публичные чтения и устная литературная полемика. В эти годы появляется замечательная книга ритора Квинтилиана "Образование оратора". Это лаконичный учебник риторики, но он содержит действительно исторические обобщения: отбор произведений, рекомендуемых им для формирования молодого образованного римлянина (хотя Квинтилиана заботило конкретно образование оратора), составлен последовательно, с сопоставлениями и почти полностью совпадает с сегодняшним списком античных шедевров, проверенным веками. Квинтилиан — прекрасный знаток греческой литературы — дает ценные примеры ее влияния на римскую. Но главной своей задачей он считает объяснение преимуществ цicerоновского сдержанного стиля, противопоставляя его свободному стилю эпохи Клавдиев. Интересно, что сам Квинтилиан пишет хоть и лаконично, но красочно, его литературная история окрашена субъективными оценками и личностными отношениями, предвосхищая стиль Плутарха, который его, вероятно, читал.

Тем временем история в Риме выходит из стадии сборников анналов: Саллюстий, обработавший наследие Фукидида, и Тит Ливий, несмотря на чисто римский нейтральный стиль, подняли историческую науку на новую высоту, при этом ни один из них не осознавал литературу как исторический факт, это — заслуга менее известного историка, современника Тита Ливия, Веллея Патеркула. Придворный историк Тиберия, он написал

около 30 г. две книги, в которых рассказ о событиях разворачивается на фоне культурной истории с описанием литературных произведений и рассуждениями о писателях и поэтах. Четкий, иногда резкий стиль Веллия Патеркула, известного своей льстивостью, на самом деле выявляет ум яркого и амбициозного человека.

Если в греческом мире на смену эпохе риториков и софистов приходит эпоха библиотекарей, то в Риме в середине II в. на смену эпохе ораторов и историков приходит эпоха биографов. Попытки написания биографий мы видим еще на табличках Александрийской библиотеки, в республиканском Риме Корнелий Непос писал анекдотические биографии в своей "Жизни капитанов", но эпоха биографического жанра на самом деле начинается с "Параллельных жизнеописаний" Плутарха, при этом единственные его герои, имеющие отношение к литературе, это Демосфен и Цицерон. Через несколько лет после Плутарха Светоний наряду с 12 цезарями опишет в "Жизни замечательных людей" биографии известных в его время римлян, среди которых грамматика, писатели, поэты. Наиболее удачные — жизни Теренция и Горация. Талантливый рассказчик, Светоний придает романтический характер биографиям своих героев, оживляя повествование вставными историческими анекдотами.

После Светония, с общим упадком античной литературы, в жанре литературной биографии стала преобладать сухая манера изложения и преимущественно перечисление фактов. Этот стиль и унаследовало Средневековье. Пример тому — трактат "De viris" (392 г.) св. Иеронима и труды его продолжателя Женнада, в которых явно обнаруживается, насколько молодая христианская литература с одной стороны старается отмежеваться от языческой культуры, с другой — не может обойтись без наследования античных традиций. Сегодня ценность их трудов, хрестоматийных для всего Средневековья, заключается только в осознанном историзме авторов, в их ощущении преемственности.

В III веке среди грекоязычных последователей Плутарха выделяются два биографа: Филострат Афинский и Диоген Лаэртский. "Жизнь софистов" Филострата — произведение мало интересное, зато трактат Диогена Лаэртского — истинный шедевр поздней античности. Название его знаменитого труда не уточнено, оно упоминается в разных источниках то как "Жизнь философов", то — "О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов", то даже как "Философская история". Автор здесь не придерживается какой-либо систематизации и свободно обращается с историческими фактами, по выражению А.Лосева "этот веселый и беззаботный грек буквально "кувыркается" в необозримой массе философских взглядов, трактатов, имен ... даже не имеющих отношения к философии"⁴.

С Филостратом и Диогеном в III веке на смену биографам, имеющим собственное отношение к выбранным ими же героям, приходят компиляторы, подводящие своеобразный итог пройденному эпохой пуги. Античная культура, осознавая свою гибель, таким образом пыталась оставить после себя некий обзор своего бывшего величия. То же желание подвигло и византийцев, после разрушения варварами Западной римской культуры, на создание аналогичных компилятивных трудов. Как Александрия в финале эллинистического мира, так Византия еще какое-то время удерживается в финале всей языческой культуры. Но византийцы не обладали ни талантом, ни эрудицией александрийцев, поэтому их главная заслуга в старании наряду с новыми христианскими идеями, сохранить античное наследие.

Из произведений, созданных в соответствии с единственным методом византийцев — компиляцией, выделяется труд константинопольского патриарха Фотия "Библиотека с тысячью книг" (IX в.).

Это историко-литературный труд с описанием 279 произведений, в основном религиозных и философских, многие из

⁴ А.Лосев. Диоген Лаэртский и его метод. В кн. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М1979 с.11.

которых сегодня утеряны и только благодаря Фотию сохранились упоминания о них. Фотий оставил также глоссарий — толковый словарь с объяснениями непонятных уже терминов и выражений.

Таким образом, история литературы, которая в античности принимала разные формы, но существовала на всем ее протяжении (хотя речь реже всего шла о собственно художественной литературе), почти исчезает в эпоху средневековья. Универсализм и убежденность христианской веры не допускала никакого подхода, кроме формального, и, в определенном смысле, интеллектуального, к античной языческой литературе, следовательно, и к проблеме преемственности литературы. Античные произведения могли быть предметом осторожного толкования, теологических споров, но никогда — подражания. Есть только одна античная форма истории литературы — биография (воспринимаемая, правда, как патрология и агиография) — к которой будут обращаться, изучать и иногда воссоздавать средневековые авторы — в VII в. испанцы Исидор Севильский и Ильдефонс Толедский, в XII в. фламандец Сижберт из Жамблу, в XIV в. итальянец Петрарка.

Истории литературы для своего возрождения придется ждать ренессансного интереса к античности, начавшегося со знаменательного перевода Плутарха французом Амьё в 1559 г. и великого труда Монтеня.

Таким образом, даже краткий обзор античного литературоведения показывает, что оно представлено в основном историей литературы, которая имела свои причины возникновения, этапы подъема и упадка, и, заменив собой традиционный термин "литературная критика", значительно расширяет представление об античной литературно-критической мысли.